

ФЕМИНИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: К ОЦЕНКЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СТАТУСА

В статье дан обзор проблематики и направлений разработки феминистской философии науки. Обосновывается тезис о феминистской философии науки как варианте социальной эпистемологии. Определяются теоретические границы экстерналистского подхода в науковедении.

Ключевые слова: философия науки, феминизм, социальная эпистемология, экстернализм.

Феминистская философия науки активно позиционируется в настоящее время в качестве перспективного направления в науковедении, чей быстрый рост ведет к изменению традиционных представлений во всех областях теоретической рефлексии над наукой — от ее истории до выработки стратегии и политики в области организации науки. Вместе с тем в отечественной философии науки до настоящего времени практически не предпринималось попыток дать общую оценку данного направления, проанализировать действительную новизну феминистской философии науки, выявить специфические ракурсы рассмотрения науки, возможные именно с указанных позиций, обозначить точки ее совпадения и противоречия с другими концепциями науки и сделать, таким образом, заключение о том, каково место феминистской философии науки в общем спектре науковедческих исследований. Попытке дать хотя бы первичные ответы на эти вопросы и будет посвящена наша статья.

По оценке Э. Поттер, основными направлениями феминистского подхода в философии науки являются: 1) выявление женского неравноправия в сфере научной деятельности и изучение социальных причин такого неравноправия; 2) обнаружение вклада науки в установление социального подчинения женщин; 3) обнаружение вклада философии науки в создание того же положения [3, с. 3]. Таким образом, ключевым прицелом феминистской философии науки, обусловленным ее возникновением в общем русле феминистского движения, является социальная проблематика (по крайней мере, с точки зрения самих авторов и систематизаторов данного направления). Остановимся вначале на этом ракурсе рассмотрения, исходя из сформулированных Э. Поттер направлений.

Прежде всего, феминистская философия науки утверждает, что в науке существует как явная, так и скрытая дискриминация женщин. Статистически достоверные данные о существующей на протяжении всей истории науки диспропорции — среди выдающихся ученых мужчины составляют подавляющее большинство — феминизм объясняет двумя обстоятельствами. Во-первых, на протяжении всего этого времени женщины имели несравненно меньшие возможности образования. В европейские университеты женщины получили доступ только в XIX в., а к постуниверситетским формам образования — только в XX в. Результатом было отсутствие в обществе сколько-нибудь значительного слоя образованных и занимающихся интеллектуальной деятельностью женщин, среди которых мог бы выделяться круг тех, кто достиг серьезных и новых результатов в этой деятельности. Во-вторых, общие андроцентристские установки общественного сознания привели к недостаточному вниманию историков науки к вкладу в ее развитие женщин, занимавшихся научными исследованиями в качестве помощниц своих мужей, отцов, братьев (практически единственно

возможная социальная «ниша» для женского интеллектуального труда). В истории науки феминизм указывает в связи с этим на такие фигуры, как Мари Лавуазье, опубликовавшая ряд своих разработок под именем мужа уже после его казни, Каролина Гершель, фактически занимавшаяся астрономическими наблюдениями, жена Луи Пастера Мари Лоран, осуществившая большинство опытов, когда его парализовало, и др. Одной из наиболее часто приводимых иллюстраций к сохранению того же положения и в XX в. является, в частности, история Розалин Франклин, которая впервые осуществила рентгеновский дифракционный анализ молекулы ДНК и доказала, что эта молекула имеет форму двойной спирали. М. Уилкинс, Дж. Уотсон и Ф. Крик создали свою модель пространственной структуры ДНК на основе ее разработок и получили в 1962 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине; роль Р. Франклин была сведена, по существу, к роли лаборанта даже не в результате чьей-то злой воли, а просто на основании всеобщего убеждения, что вклад женщины в столь фундаментальное открытие мог быть лишь техническим. Аналогичный случай: в 1974 г. Нобелевской премии за открытие пульсаров были удостоены двое мужчин — М. Райл и А. Хьюинг. Первоначально обнаружившая пульсары и высказавшая гипотезу о том, что это новые астрономические объекты, Джоселин Белл была лишь аспиранткой.

В современной ситуации феминистская критика науки обращает внимание на более тонкие, неявные формы дискриминации, которые отчасти могут рассматриваться как отголоски традиционных ограничений. Отмечен, в частности, феномен «стеклянного потолка» — сохранение совокупности неписаных правил, затрудняющих для женщин карьерный рост, переходы из одной организации в другую, включение в научные коллективы, прохождение различных отборов: по отношению к ним в меньшей степени проявляется коллегиальная поддержка, они реже получают внутренние и внешние гранты, чаще слышат на собеседованиях расспросы об обстоятельствах личной жизни, и эти обстоятельства чаще учитываются при принятии кадровых решений. В результате возникает феномен «перевернутой пирамиды»: процент работающих в науке женщин выше в менее престижных, менее финансируемых, медленнее развивающихся и менее перспективных организациях. К этому добавляется еще фактор «ролевой инкапсуляции»: женщинам в научных коллективах чаще поручают рутинные виды работы (вычисления, каталогизация, ведение документации), что реально сокращает их значимость в коллективных исследованиях. Таким образом, сравнительно меньшая роль женщин в науке по крайней мере отчасти превращается в самоподдерживающееся явление.

Следующее направление из выделенных Э. Поттер также включает две несколько отличающиеся друг от друга системы аргументации. Во-первых, это критика содержательной сосредоточенности научных разработок на мужской деятельности. Прежде всего речь здесь идет об истории: в традиционном варианте построения она является «мужской», так как фиксирует в основном такие события, как войны и политические перевороты (иначе говоря, не просто деятельность, осуществляемую мужчинами, но и деятельность, лежащую целиком в русле маскулинных форм поведения и ценностей — агрессии, стремления к власти). На порядок меньше исторических исследований, посвященных изменениям образа повседневной жизни, быта, ведения дома, т.е. таких сфер

деятельности, которые традиционно управлялись женщинами. А убеждение в том, что эти сферы менее важны для характеристики общества, чем политика и право, само несет на себе отпечаток андроцентризма.

Во-вторых, феминистская философия науки активно занимается также выявлением и критикой «сексистски ориентированных» разработок, т.е. исследований, направленных на обоснование дискриминационных идей (реально под этим понимаются все исследования, которые дают возможность для интерпретаций такого плана). К дискриминационным исследованиям феминизм относит, например, концепции в социобиологии и психологии, касающиеся вопросов о том, чем мужской стиль мышления и мужские интеллектуальные способности отличается от женских; биологические и этнографические описания сообществ, подчеркивающие доминирование особей мужского пола как «естественное», и т.п. В частности, подвергалась феминистской критике гипотеза М. Лайона, объяснявшая статистические данные о том, что, хотя усредненные показатели интеллекта одинаковы у мужчин и женщин, у мужчин больше разброс показателей и, соответственно, их больше как среди самых отсталых, так и среди самых одаренных, тем обстоятельством, что, поскольку у женщин две Х-хромосомы, экстремальное проявление любого гена менее вероятно. Феминистская программа в науковедении инициировала проведение серии независимых эмпирических исследований [2], в результате которых были сделаны выводы о гендерном различии способностей лишь по четырем параметрам (способность к проявлению агрессии, вербальные, математические и зрительно-пространственные способности), причем на уровне от 1 до 5 % (что в сравнении с 95 % индивидуальных различий, безусловно, не является принципиальным). Феминистские интерпретации статистических данных, фиксирующих различия в способностях, как правило, акцентируют внимание на невозможности строгого разграничения собственно биологических предпосылок и социальных условий развития личности (например, трудно определить, в какой мере меньшие возможности девочек в решении задач на олимпиадах по математике объясняются их природными особенностями, а в какой — меньшими затратами учебного времени на изучение математики в связи с профилизацией обучения, выбором иных факультативов и т.д.).

Анализ сферы собственно-философской рефлексии над наукой с феминистских позиций ориентирован на уровень выявления идеологии, лежащей в основе научных исследований. Здесь также можно выделить две основных линии разработки. В негативном плане феминизм стремится к обнаружению андроцентристских установок, скрыто определяющих построение конкретных разработок. Например, Э. Вайли разбирает с этой точки зрения дискуссии о способах распространения культурных растений по территории доколумбовой Америки. В рамках дискуссии было выдвинуто три основных точки зрения: растения распространялись самопроизвольно, в результате воздействия природных факторов — ветров, птичьих перелетов и т.п.; растения дополнительно распространялись шаманами в межплеменных взаимодействиях для обеспечения ритуалов; растения распространялись женщинами с сельскохозяйственными целями. Э. Вайли показывает, что в ходе данной дискуссии использовались в качестве оснований следующие положения, не подтверждаемые, а принятые как аксиомы: женщины (не мужчины) несут ответственность за обеспечение пищей; женщины

не могут целенаправленно планировать глобальный культурный сдвиг; существуют естественные различия полов в склонности к инновациям и стратегическому планированию [5]. Более локальный пример того же плана — замеченное Б. Спаниер в молекулярной биологии деление бактерий на «мужские» и «женские», которое, разумеется, не имеет никакой физиологической интерпретации, а связано исключительно с активной или пассивной их ролью в соединении [4].

В позитивном плане феминистская философия науки разрабатывает тему преимуществ, которые может дать женский взгляд в научных исследованиях. В связи с этим обычно указывается на следующие обстоятельства. В социально-гуманитарном познании существенно, что женщины видят многие ситуации несколько иначе, чем мужчины, просто в силу иного жизненного опыта, и потому могут поставить иные вопросы, увидеть новые ракурсы рассмотрения темы. Так, если проблему ранних внебрачных беременностей исследователи-мужчины прежде всего связывают со структурой родительской семьи и недостаточностью воспитания, то женщины-исследователи видят в ней в первую очередь проблему взаимоотношений партнеров-подростков, что переводит исследование даже в тематическое пространство иной сферы познания. Уже не только для социально-гуманитарных, но и для любых областей науки значимо, что женщины входят в них как «путешественники в страну туземцев» («туземцами» являются создатели классических концепций) и могут увидеть как необычные или заслуживающие обсуждения какие-то привычные постулаты. В аспекте организации науки также важно, что женщины, как «внутренние аутсайдеры», в большей степени склонны учитывать различные точки зрения, искать возможности использования рациональных сторон различных подходов, стремиться не к утверждению единственной позиции, а к сочетанию разных ракурсов исследования.

Таким образом, можно говорить о достаточно широком спектре феминистских исследований науки как сферы культуры и социальной деятельности и об обширном и показательном материале, собранном в этих исследованиях. Вместе с тем представляется возможным заметить следующее. Феминистская критика подчиненного положения женщин в науке является естественным продолжением общей феминистской критики социального неравенства, андроцентризма, «сексизма» и требований равноправия, со всеми достоинствами, преувеличениями и тупиками данной идеологии. Описываемое положение дел в науке в целом соответствует общей позиции феминистской социологии: существует «сословно-половая закономерность обратной иерархии: чем «более центральной» для общества является та или иная сфера, тем меньше там представлены женщины; и наоборот: чем «периферийнее» та или другая группа, тем больше вероятность, что в этой сфере женщины добились возможностей занятости» [6, с. 119]. В социальной составляющей феминистской философии науки нет, по существу, ничего специфического именно для науковедения. И если бы феминистская концепция науки разворачивалась лишь в этом направлении, она осталась бы исключительно в пространстве социологии и идеологии.

Но в поисках теоретической платформы феминистская философия науки обнаружила корреляции с некоторыми иными направлениями в науковедении, усвоила, адаптировала, а частично продвинула дальше их идеи, что создает возможность для рассмотрения ее еще в одном (периферийном с точки зрения самих феминистскиориентированных авторов) ключе — как вариант реализации

определенной исследовательской программы в изучении науки (и — шире — познания вообще). С этой точки зрения анализ феминистской философии науки интересен тем, что позволяет увидеть специфику и оценить потенциал данной исследовательской программы.

В целом феминистская философия науки, безусловно, лежит в русле экстерналистской методологии, ориентированной на рассмотрение познания в социокультурном контексте. Экстерналистский подход в науковедении утвердился как альтернатива более традиционному способу рассмотрения науки как внутренне детерминированной формы познания. Классические модели развития науки исходили из убеждения в том, что логика развития науки — это содержательная логика, сущность которой — в движении от проблем через варианты их решения к утверждению идей, обладающих преимущественной объяснительной силой. Ученый в традиционном науковедении рассматривался в основном как «логический носитель» указанного перехода; предполагалось, что его личные качества и межличностные отношения принадлежат к числу таких явлений, от которых науковедение может абстрагироваться. Экстернализм же требует рассматривать науку как часть культуры своего времени и принимать во внимание влияние на ее состояние и развитие негносеологических факторов: экономики, политики, религии, морали, искусства, форм институционализации, психологических аспектов индивидуальной и групповой деятельности. Экстернализм утверждает, что без этого нельзя построить реалистическую модель действительного развития науки. Можно выделить три основных направления исследований науки на основе заявленной экстернализмом программы:

— изучение науки в целом как социального явления, во взаимодействии с другими социальными институтами и формами общественного сознания. Экстернализм указывает, в частности, на детерминацию социальными условиями гносеологических норм и ценностей (например, социально-политическую обусловленность идеала доказательности в античной науке); значимость в науке некогнитивных ценностных ориентаций (например, секуляризации в эпоху Возрождения); связь стиля научного мышления с господствующим стилем деятельности (например, экспериментального естествознания Нового времени с формированием общего отношения к природе как мастерской). Кроме того, экстернализм выявляет и рассматривает взаимодействие науки с конкретными течениями в религии, идеологии, философии, искусстве (например, связь теории относительности и абстрактного искусства начала XX в. на уровне глубинных ориентаций);

— изучение науки как деятельности социальных групп и коллективов. На этом уровне обнаруживается значимость в деятельности ученых групповых эффектов (конформизм, социальная фацилитация, «сдвиг риска» и др.), влияние на процессы научной деятельности характерных для определенной группы мировоззренческих позиций и ценностных ориентаций, значение, которое имеет для поддержки ученым той или иной концепции, выбора им методов исследования и способов аргументации его принадлежность к определенной социальной группе;

— изучение науки как «личностного знания», включая тот отпечаток, который накладывают на процесс научного исследования и даже на оформление

результатов индивидуальные особенности ученого, черты его характера, его пристрастия и стремления.

Подчеркнем еще раз, что сам факт существования перечисленных факторов социокультурного влияния на развитие науки признавался всегда. Классическое науковедение лишь считало возможным абстрагироваться от них в описаниях развития науки, сосредоточившись на магистральной линии — росте научного познания за счет постановки проблем, применения новых методов и инструментов, достижения истины в результате научных дискуссий и решающих экспериментов. Предполагалось, что это, во-первых, правомерно, поскольку влияние внешних факторов на развитие науки значительно уступает по силе внутренней детерминации, и, во-вторых, необходимо, поскольку весь спектр сопутствующих влияний учесть крайне сложно (не случайно Т. Кун окрестил проблему социокультурной детерминации научного знания «ящиком Пандоры»). Экстернализм же считал, что на нынешнем этапе, когда выявление взаимосвязей на магистральной линии в основном уже состоялось, пора расширить рассмотрение, приоткрыв этот «ящик». Характерной для экстернализма формой, в которой рассматривается развитие науки, является методология ситуационных исследований (case studies) — реконструкция конкретных моментов развития науки в единстве всего комплекса их образующих элементов, в том числе людей, их характеров, обстановки и мотивов их действий.

К существенным моментам экстерналистского подхода можно отнести также «исторический релятивизм», т.е. вытекающее из идеи социальной обусловленности познания признание исторической пластичности не только содержания научных концепций, но и норм, правил и эталонов научной деятельности, а также «принцип симметрии» — требование объяснять, исходя из социальных факторов, не только возникновение в науке заблуждений и ложных теорий (как это часто делается), но и достижение истинных идей.

В рамках современной философии науки активно развивается одно из ответвлений экстерналистской методологии — социальная эпистемология, которая стремится к рассмотрению познания в динамике, подразумевающей, что определенная познавательная операция не просто повторяется снова и снова, но и осуществляется в постоянно меняющихся условиях, от которых опять-таки абстрагироваться уже не удастся. Например, предполагается, что язык должен изучаться не только как исторически сложившийся и функционирующий в социуме, но и как находящийся в процессе постоянного творения и изменения феномен; поток стихийного словотворчества, изменений словоупотребления и т.д. ставит в один ряд с ключевым для общей теории познания вопросом о том, как слова относятся к обозначаемым объектам, вопрос о том, как со словами обращаются люди.

Феминистская философия науки реализует целый ряд заявленных в экстернализме и — уже — в социальной эпистемологии программных установок. Прежде всего это общая идея реализма в науковедении, убеждение в том, что философская рефлексия призвана не устанавливать, как *должно* происходить научное познание, а обнаруживать с предельной внимательностью к фактам, как именно оно происходит. «Феминистская философия науки более или менее естественна и менее или более нормативна» [3, с. 6].

Общее обоснование социальной размерности науки связывается в феминизме с тем обстоятельством, что научный факт всегда выявляется в результате опыта, который должен быть поставлен (для чего нужны ресурсы) и описан (для чего нужны языковые средства) [3, с. 38]. Таким образом, феминизм следует как общей экстерналистской традиции выявления социальных условий, в которых получено знание, и его зависимости от этих условий, так и установке на рассмотрение основных познавательных операций как возобновляющихся, в том числе в меняющейся языковой среде.

Феминистски ориентированные авторы считают устаревшим взгляд, согласно которому наука не идеологична, нейтральна и свободна от личных предпочтений, и утверждают, что высказываемые ученым положения никогда не являются простым отображением фактов, а выступают результатом взаимодействия фактов с определенными ценностными установками. Э. Андерсон, подробно разбирая этот вопрос, показывает, что исследователь начинает с ориентации на некоторый практический или теоретический запрос; выделяет проблемы, соответствующие таким запросам; оговаривает объект и предмет исследования; решает, какого типа данные необходимо собрать; устанавливает процедуры и придерживается их; анализирует данные, используя выбранные методы; решает, когда прекратить сбор данных; делает выводы; и на каждом из указанных этапов он ориентируется на определенные когнитивные или некогнитивные ценности [3, с. 92]. Например, он считает (обычно в соответствии с принятым на данный момент в науке), что лучшей проверкой знания является натурный эксперимент или, напротив, более показательным будет построение математической модели (это когнитивные ценности) или знает, что эксперимент должен быть минимально затратным (некогнитивные ценности). Ориентация на ценности неизбежна уже потому, что в качестве научных фактов никогда не могут быть рассмотрены все события, имевшие место в данном пространственно-временном отрезке, и ученому необходимо принимать решение, что относится к условиям опыта, а что — нет. Если мы рассматриваем, например, реакцию группы в ответ на определенную провокацию в рамках психологического эксперимента, относится ли к таковым внешность экспериментатора? Температура в помещении? Погода на улице? Проведение таких границ всегда базируется на определенных исходных убеждениях.

В результате для феминистской философии науки оказывается жизненно необходимой идея постпозитивистской эпистемологии о возможности построения нескольких различных теорий на одном и том же теоретическом базисе, обусловленной значимостью процедур интерпретации при переходе от эмпирического познания к теоретическому. Феминистски ориентированные авторы ссылаются в связи с этим, в частности, на разработки У. Куайна, показавшего, что онтология определенной области реальности конструируется познающими субъектами, поскольку никакая теория не может быть полностью детерминирована эмпирическими данными. Феминизм акцентирует внимание на том соображении, что материалом для достройки эмпирии являются социальные нормы, ожидания, априорные установки. В результате становятся возможными классовые, европоцентричные, идеологически окрашенные и т.п. теории, совместимые с фактами; в этом ряду существуют и андроцентричные (или наоборот) концепции. Для обозначения таких неявных базисных элементов интерпретации

эмпирии С. Хардинг ввела понятие «standpoint» — это точка зрения (viewpoint), но обусловленная принадлежностью к определенной социальной группе, взгляд с определенной социальной позиции. (У нее есть также «обратное» определение: standpoint — это «объективная позиция в социальных отношениях, выраженная через определенную теорию или дискурс») [1, с. 150]. Свои standpoints имеют практически все социальные группы — рабочие, спортсмены, католики и т.д.; в этом ряду существуют и андроцентрические / феминистские высказывания.

Из этого фундаментального взгляда на познание следуют два важных вывода. Во-первых, нет смысла искать или ставить цель построить научное знание, свободное от каких-либо ценностных установок; надо лишь со всей отчетливостью рефлексировать эти установки и стремиться к более корректным среди них. Во-вторых, ангажированное знание не обязательно является ошибочным, иначе в науке вообще не было бы истины; более широкие standpoints обеспечивают успешное получение знания, а их многообразие служит залогом достаточной эпистемической оправданности теорий. Таким образом, феминизм выдерживает «принцип симметрии», требующий рассматривать достижение как истинного, так и ложного знания в науке с одинаковых методологических позиций.

Идея релятивности научного знания, зависящего от меняющихся базовых установок, вытекает из сказанного достаточно логично: если меняются базовые ценности, будут меняться и надстройки, даже над одними и теми же фактами. Необходимо лишь заметить, что феминизм обращает внимание скорее на различие сосуществующих в рамках одной культуры интерпретационных гипотез, чем на историческую их смену.

Иллюстрируя и обосновывая свои идеи, феминистская философия науки достаточно активно использует методологию case studies. Примером может служить анализ истории изучения в социологии проблемы разводов с различных методологических и ценностных позиций, проведенный Э. Андерсон. Она сравнивает построение исследований, основанных на «традиционалистских» и «феминистских» установках, и обнаруживает различия по ряду параметров. Базовый принцип традиционалистов: браки заключаются навсегда, развод — отклонение от нормы. Феминисты склонны рассматривать брак как союз, который может иметь определенные сроки и критерии оправданности его сохранения. В связи с этим традиционалист выделяет в качестве объекта исследования развод как таковой, феминист — брачные отношения, приводящие к разводу. Далее происходит различное ограничение предмета исследования: для традиционалиста это «последствия» (например, психологическая травма у ребенка), для феминиста — изменение социальных ролей. В результате собираются разные данные, причем с использованием различных методов: феминисты скорее склонны рассматривать чувства обеих сторон, поэтому чаще используют интервью и персональные истории там, где традиционалисты работают по статистике и клиническим данным. При систематизации материала традиционалисты чаще стремятся свести его к универсальным принципам, а феминисты — учесть различные варианты, поэтому традиционалисты чаще останавливаются, набрав определенное количество данных, а феминисты чаще обнаруживают необычные, не укладывающиеся в тенденции факты. Например, только в феминистски ориентированной социологии был зафиксирован как

значимый тот факт, что 70 % женщин после развода предпринимают усилия к личностному росту (образовательная переподготовка и др.) [3, с. 96].

Таким образом, в феминистской философии науки мы обнаруживаем целый ряд параметров, маркирующих его принадлежность к традициям экстернализма и социальной эпистемологии. Поэтому определение теоретических границ феминистской философии науки дает некоторые основания и для общей оценки этих традиций.

По нашему мнению, несмотря на декларации, позиционирующие феминизм как философию науки в целом, очевидна неравнозначность успехов феминистской рефлексии над различными областями научного знания. Феминизм демонстрирует значимость ценностных установок и зависимость от них хода и результатов исследования в таких сферах науки, как социология, психология, этнография, история, археология и т.д. — т.е. научных дисциплинах, объектом которых является человеческая деятельность. Даже в таких областях, как науки о живом (например, молекулярная биология) удается обнаружить присутствие определенных базовых предубеждений (метафоры, относящие бактерии к определенному полу), но не их влияние на содержание теорий. Что же касается физики, химии, математики, астрономии и т.д. — здесь феминизм располагает лишь единичными примерами, касающимися в основном формы изложения. Таким образом, феминистская философия науки на самом деле приложима к различным наукам в существенно разной степени.

Кроме того, обращает на себя внимание стремление феминистской философии науки ограничить свой круг рассмотрения «современной историей и современной практикой науки» [3, с. 5]. Скорее всего, это означает, что выделяемые феминизмом моменты в функционировании науки отчетливо проявляются в растущих проблемных областях, там, где еще не устоялись содержательные и методологические основания, и нивелируются в долгосрочной истории науки. И это позволяет, на наш взгляд, сделать следующее заключение.

Экстерналистский способ рефлексии над наукой дает реальные результаты, только если он используется в качестве дополнительного к изучению логического развития науки. В основе движения научной мысли вперед лежит все-таки поиск истинных решений поставленных проблем, и в историческом развитии утверждаются концепции, которые в большей степени приближаются к истине. Это магистральная линия развития науки, воздействие всех внешних факторов является второстепенным. Выявление влияния этих факторов может быть полезным, может способствовать более полному объяснению отдельных моментов в истории науки. Но, пользуясь выражением Г.В. Плеханова, можно сказать, что такие воздействия изменяют «историческую физиономию» события, но не само событие. Групповые позиции и межгрупповые взаимодействия могут затормозить получение какой-то идеи или ускорить ее распространение. Но они не могут привести к изменению самой научной истины: даже если временно восторжествует ошибочная теория, законы природы от этого не изменятся.

Именно поэтому следует рассматривать содержательную логику развития науки как доминантную, а совокупность «экстерналистских эффектов» — как вариативную оболочку. Феминистская философия науки представляет интерес как направление, позволяющее обнаруживать некоторые факторы, оказывающие дополнительное, частное влияние на развертывание научной деятельности, и уточнять на этой основе методологические выводы; но нельзя забывать об

ограничении этих моментов самой природой научной деятельности. Те же соображения могут быть отнесены и к определению теоретических границ экстерналистского подхода в целом.

Библиографический список

1. *Harding S.* Is Science multicultural? Postcolonialism, Feminism and Epistemologies. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998.
2. *Maccoby E., Jacklin C.* The Psychology of Sex Differences. Stanford: University Press, 1974.
3. *Potter E.* Feminism and Philosophy of science: An Introduction. London and New York: Routledge: Taylor & Fransis Group, 2006.
4. *Spanier B.* Im/partial Science: Gender Ideology in Molecular Biology. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995.
5. *Wylie A.* Why standpoint matters // Science and Other Cultures: Issues in Philosophy of Science and Technology. New York: Routledge, 2003. Pp. 26–48.
6. *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 218 с.
7. *Социальная эпистемология: идеи, методы, программы* / Под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. 712 с.